

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

От мести к прощению,
от жестокости к милосердию –
пройти этот тернистый путь
трудно, и только сильная
женщина способна на него
ступить. Во времена, о которых
нынче помнят только летописи,
его проделала княгиня
Ольга, но кто сегодня готов
следовать за ней?..

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

Крест княгини Ольги

Артефакт & Детектив

Наталья Александрова
Крест княгини Ольги

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Крест княгини Ольги / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2018 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-089563-2

Многие тайны хранит великая степь, много даров готовит она тому, кто претерпевает печаль, но находит силы ожить для радости. Лена знает, что любимого мужа не оживить, знает, что его убили. Но разве ради любви, которая их объединяла, она не должна бороться? Мир вокруг, как в сказке, полон оборотней, вчерашние друзья в любую минуту могут оказаться врагами. И все же кто возьмется утверждать, что в нем не осталось места для настоящей верности и настоящего прощения, как в те легендарные времена, когда между отчаянием и прощением, между неверием и верой металась сама княгиня Ольга?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089563-2

© Александрова Н. Н., 2018
© Эксмо, 2018

Наталья Александрова

Крест княгини Ольги

© Александрова Н.Н., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Ночью она проснулась от кошмара. Как будто она находится в сырой темной яме, и из глубины к ней тянутся бледные руки, похожие на ростки огромной картофелины. Она хочет отползти от этих страшных рук, но не может двинуться с места, связанная невидимой липкой паутиной. Лена смотрит с ужасом, как к ней тянутся жуткие бледные ростки, и знает: стоит этой руке коснуться ее, и она сразу умрет.

Вот уже осталось совсем немного – шаг, полшага. В самый последний момент Лена рванулась изо всех сил и проснулась.

В спальне было темно и душно из-за плотных штор на окнах. В свое время, когда они делали ремонт, на этом настоял Олег. Окна спальни у них выходили на восток, так что приходилось защищать свой сон от солнечных лучей. Хотя где оно, это солнце, в Петербурге? Этим летом, во всяком случае, солнца почти не видно, только ветер да дожди.

Дождь шел и сейчас. Лена подошла к окну, раздвинула шторы и широко распахнула створки. Пахнуло мокрой листвой. Вон они, липы, а за ними река Мойка. В серой предрасветной мути видна темная вода, заштрихованная дождем.

Лена глубоко вдохнула сырой воздух и ощутила на щеках влагу. Через некоторое время сердце перестало колотиться, дыхание выровнялось. Она успокоилась.

«Это от духоты, – подумала она. – Нужно было не задергивать шторы. Олега все равно нет».

Ей захотелось, чтобы муж был рядом, как-то неуютно в этой квартире одной. И Славки нет. Муж уехал по делам в какой-то Запорск, Задорск. Ага, Заборск. И что ему в этом Заборске? Он никогда не рассказывал о делах, говорил, что дома, с семьей хочет о них забыть. Да она и не интересовалась. Зачем? Муж обо всем позаботится, а ее дело – дом, ребенок.

Славке шесть лет, в следующем году в школу. Н-да, в сентябре больше в отпуск не поедешь. Олег любил отдыхать в сентябре – не так жарко. А они со Славкой уже летали в июне в Таормину на детский курорт. Потом она отвезла сына к маме в Новгород. Скоро Олег вернется, и они поедут в отпуск. Не то чтобы он не любил ездить с ребенком, просто отдыхать предпочитал вдвоем.

Лена почувствовала, что замерзла. В августе ночи холодные, а уж этим летом и подавно. Она прикрыла окно, легла, закуталась в одеяло. Полежала немного, бормоча про себя наивные строки, под которые так хорошо засыпал Славка: «Спать пора, уснул бычок. Лег в кроватку на бочок».

Проснулась она поздно. Никто не будил, не нужно было вставать, чтобы приготовить Олегу завтрак и сварить кофе. Ей так мама наказывала.

Ты, дескать, живешь с мужем как за каменной стеной, на всем готовом, так будь добра хоть завтраком его накормить. Ничего с тобой не случится, если встанешь пораньше. Потом доспишь.

Олег первое время все отмахивался: не нужно, он и без того торопится на работу, а тут еще она путается под ногами. И вообще он с утра только кофе пьет, а его кофеварка варит лучше жены. А нет, так секретарша на работе подаст.

Но Лена к маминому совету прислушалась. Потихоньку уговорила мужа съесть по утрам хотя бы бутерброд, нельзя же начинать день голодным. Олег и здесь настоял на своем: подавай ему каждое утро бутерброд с черным хлебом и колбасой. Сколько Лена ни убеждала, что вареная колбаса – продукт не самый полезный, ничего не помогало. Ладно, с мужчинами спорить – себе дороже.

И Славка не прибежит понежиться с ней в кровати, у бабушки сейчас небось уже в речке купается. Няню они отпустили на лето, так что Лена осталась совсем одна.

Она потянулась и села на кровати. Дождь утих, но на небе по-прежнему серые мрачные тучи. Лена прислушалась к себе. Голова тяжелая, простудилась она, что ли? Да нет, горло не саднит, температуры нет. Наверное, это от ночного кошмара. Ее передернуло: так ясно вспомнились сырая яма и жуткие руки, похожие на ростки огромной картошки.

Она побрела на кухню. Мимоходом успела удивиться, что уже одиннадцатый час. Никогда она так долго не спала. Пользы все равно никакой, голова просто чугунная.

После душа тоже не стало легче. Пока причесывалась перед зеркалом, углядела темные круги под глазами. Это уже никуда не годится. Олег вернется, а она в таком виде. Нужно взбодриться, выпить кофе и заняться делами. Купить кое-что, Славку в бассейн записать. Да мало ли дел.

Есть не хотелось, а от запаха свежесваренного кофе неожиданно стало мутить. Никогда раньше такого с ней не было. Она плюхнулась на стул, выпила стакан ледяной минералки. Вроде прошло, только на сердце какая-то тяжесть – давит и давит.

Нет, нужно взять себя в руки.

Она отхлебнула кофе. Ничего, все нормально, можно даже съесть сухарик. Она улыбнулась своему отражению в дверце кухонного шкафа. Все наладится. Нужно позвонить Олегу. Он не любил, когда она звонила среди дня, мало ли какие-нибудь важные переговоры или встреча. Но сегодня она хочет услышать его голос.

Лена направилась в спальню в поисках телефона. На тумбочке его не было. Может, в сумке? Да нет, вчера перед тем, как лечь спать, она посылала маме эсмэску.

Вот же он, конечно, – свалился под кровать. Она встала на колени, чтобы дотянуться до него, как вдруг из соседней комнаты донесся какой-то вой – как будто сирена спешащей в ночи «Скорой помощи».

Лена вздрогнула. Уже в следующую секунду она поняла, что это за звук: в соседней комнате зазвонил телефон, только и всего.

Странно: звонил не мобильный, а стационарный городской телефон. В последнее время по этому телефону им никто не звонил, все предпочитали мобильные, вот она и забыла, как он звучит.

Лена вскочила и бросилась в соседнюю комнату.

Хоть она и поняла, что это за звук, спокойнее не стало. Такой звонок не предвещал ничего хорошего. Может, это все-таки Олег? Не дозвонился по сотовому, только и всего.

Лена сорвала трубку, поднесла к уху.

– Слушаю!

Из трубки доносились треск, скрип и скрежет, сквозь которые с трудом прорвался человеческий голос.

– ...данка Лотерева?

– Что? – Лена встряхнула трубку, как будто надеялась, что от этого слова станут на свои места и она сможет их понять.

– Гражданка Лотерева? – повторил незнакомец. Казалось, он находится в каком-то другом измерении, на другой планете. Лена вспомнила, как несколько дней назад говорила с подругой, которая сейчас на курорте в Доминикане, – слышимость была прекрасной, как будто говорили из соседней комнаты.

– Лотарева, – поправила она.

– Я и говорю: Лотереева. Елена Павловна, да? Из Заборска звонят! Майор Мелентьев.

Голос снова пропал, в трубке зашуршало и затрещало.

Лена похолодела.

Именно так назывался город, куда уехал Олег. Там он сейчас находится, по крайней мере, должен находиться.

«Не паниковать!» – приказала она себе. Да, звонит оттуда какой-то майор, но это ровным счетом ничего не значит. Может, Олег потерял какие-нибудь документы, их принесли в полицию, и теперь этот майор разыскивает владельца.

Нет, такого быть не может. Олег никогда ничего не теряет. Во всяком случае, ничего важного. Но у этого звонка может быть десяток других вполне правдоподобных объяснений. И не нужно гадать, сейчас все разъяснится, причем самым простым образом.

Лена снова потрясла трубку, как будто это могло повлиять на качество связи.

Надо же, помогло.

Снова прорезался далекий голос майора:

– Понятно, да?

– Ничего не понятно! – проговорила она как можно громче и отчетливее. – Очень плохая связь, я ничего не расслышала. Повторите, пожалуйста.

– Не расслышали? – огорчились на том конце. – Говорю: приехать вам нужно!

– Приехать? – Лена уже чувствовала, что все плохо. – Зачем приезжать?

– Как – зачем? – На этот раз майор, кажется, удивился. – На опознание, непонятно, что ли?

– Опознание? – Лена почувствовала, что земля уходит у нее из-под ног. – Какое опознание? Опознать кого?

– Опознание тела. – В голосе майора слышалось нетерпение. – Мертвого тела.

– Чьего?

Губы не слушались. Она уже знала ответ и спрашивала, только чтобы оттянуть неизбежное, оттянуть крах своего мира.

– Мужское тело, – повторил майор со вздохом. – При нем документы на имя Лотереева, пардон, Лотарева Олега Николаевича. По правилам я обязан пригласить вас на опознание, иначе нельзя.

«Опознание, опознание, опознание», – стучало в висках.

Она пыталась убедить себя, что это ужасное слово не имеет никакого отношения к Олегу, ее мужу. Там, в этом ужасном городе, конечно, лежит какой-то другой, посторонний человек. Человек, которого она никогда не видела.

Представляла, как входит в ярко освещенную холодную комнату, смотрит на этого незнакомого человека и говорит кому-то в полицейской форме:

– Нет, это не мой муж!

Она уже несколько раз проиграла в уме эту ужасную сцену, но так и не могла в нее поверить.

– Так вы приедете? – донесся голос из другого мира.

– Да, конечно, обязательно приеду! Сейчас же, сегодня же!.. Обязательно!

Из трубки донеслись короткие гудки отбоя.

Лена смотрела на телефон как на гранату с выдернутой чекой. Нет, как на ядовитую змею. Хотя все уже свершилось. Граната уже взорвалась, змея выпустила свой яд.

Вот именно – яд.

Лена чувствовала, как яд отчаяния расползается по телу, проникает в каждую клетку.

Нет, она не может позволить себе отчаяться.

Раньше могла, потому что у нее был Олег. Он поддерживал ее, утешал, делил с ней любую неприятность. Да и неприятностей никаких не было, если честно. Славка болел, но ведь неопасно. Еще кошелек в метро свистнули, когда машина была в ремонте. Конечно, Олег помог: сразу заблокировал карточки и прислал человека сменить замки.

Но теперь Олега нет.

Лена в мыслях повторила эти слова и зажмурилась, как от яркого света.

Невозможно в это поверить. Олега нет? Но это значит, что нет половины ее жизни, даже больше, чем половины. Почти вся ее жизнь связана с ним.

Но еще есть слабая надежда, что это ошибка и там, в далеком Заборске, лежит труп совсем другого человека. Она побежала в спальню, где остался брошенный мобильник. Дрожащими руками набрала его номер. Равнодушный женский голос сообщил, что телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети.

Нужно срочно ехать в этот Заборск.

А как это сделать?

Раньше, если ей нужно было куда-то поехать, она говорила об этом Олегу, и вопрос решался сам собой.

Впрочем, одна, без него она почти никуда не ездила, разве что на какой-нибудь спакурорт. Или вот как в этом году со Славкой в Таормину.

Теперь придется все делать самой. А она ничего, совершенно ничего не умеет!

Можно, конечно, позвонить Вадиму, компаньону Олега, он ей не откажет. Да, обязательно нужно сообщить ему об этом ужасном звонке. Даже если это ошибка, он поможет разобраться и накажет тех, кто устроил этот дурацкий розыгрыш.

Лена снова схватила смартфон, нашла в записной книжке номер Вадима.

Из трубки донеслось негромкое гудение. Равнодушный женский голос проговорил: «Аппарат вызываемого абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

Да что же это такое! Этот-то куда подевался?

Лена запаниковала. Отыскала домашний телефон Вадима, набрала.

Несколько длинных гудков и такой знакомый, бодрый голос Вадима: «Привет, меня нет дома! Если у вас есть что сказать – говорите после сигнала, а если нет – тогда зачем звонили?»

Этот бодрый голос ее покорибил.

Вспомнила, что Вадим собирался на неделю в теплые края – то ли на Канары, то ли на Багамы. Олег еще сказал, что они тоже полетят, когда он вернется из Заборска. Она вот и купальник новый купила.

Полетели.

Что же делать?

Мелькнула мысль позвонить Маргарите, секретарше, скорее даже помощнице мужа. Маргарита была весьма толковой и деловой дамой не первой молодости. Она, разумеется, организовала бы поездку идеально. Но пришлось бы объяснять, что произошло, и выслушивать соболезнования, а у Лены сейчас на это просто не было сил.

Нет, придется все делать самой.

Она вызвала поисковую программу и ввела запрос: «Купить билет на самолет в Заборск и обратно».

Программа ответила:

«В выбранном вами направлении авиабилетов нет».

Конечно, с чего она взяла, что в этот город летают самолеты? Откуда там взяться аэропорту? Дыра дырой, и зачем только Олег туда поехал?

Значит, нужно купить билет на поезд.

Правда, это будет гораздо дольше, но что делать, если других вариантов нет.

Теперь она поняла, почему тот майор из полиции, который звонил, фыркнул, когда она сказала, что приедет сегодня. Он-то знал, что в их медвежий угол не так просто добраться.

Есть, конечно, вариант доехать на машине, но она сейчас в таком состоянии, что просто не сможет вести.

Промелькнула малодушная мысль, что, может быть, так оно и лучше – вылететь на встречу, разбиться и решить все проблемы разом.

Но тут же она подумала о Славке.

Она не имеет права так поступить. Не имеет права в одночасье сделать ребенка сиротой.

А Сергей, водитель мужа?

Конечно, как же она не вспомнила о нем раньше! Ведь Олег как раз уехал в Заборск с ним! Значит, Сергей должен быть сейчас там. Он точно знает, что случилось.

Лена торопливо набрала номер Сергея.

И снова: «Аппарат вызываемого абонента выключен или находится вне зоны сети».

Да что же он себе позволяет! Выключает телефон, когда такое творится и он ей так нужен!..

Нет, видно, никто ей не поможет, нужно разбираться самой.

Значит, машина отпадает. Она должна купить билет на поезд.

Лена снова открыла поисковую программу, запросила билет на поезд до Заборска.

Безжалостная программа выдала, что единственный поезд до Заборска уходит с Московского вокзала через двадцать пять минут. Следующий только через сутки.

Не успеть.

Дрожащими пальцами Лена вызвала такси. Пока таксист ехал, успела бросить в дорожную сумку самые необходимые вещи и выскочила на улицу.

Машина уже ждала.

Лена метнулась на переднее сиденье, бросила водителю: «Скорее, умоляю!»

Ехать было недалеко, но в центре, как всегда, стояли пробки, и такси еле плелось.

– Нельзя ли быстрее? – Лена судорожно вцепилась в свою сумку.

– Не видите, дамочка, что творится? – огрызнулся шофер.

Наконец добрались до вокзала. Лена бросила водителю деньги и помчалась на перрон.

– Девушка, куда несетесь? – остановил ее рослый мужчина в форме охранника. – Предъявите вещи для досмотра!

– Я опаздываю! – взмолилась Лена. – Поезд уходит! У меня муж умер, мне нужно на опознание!

– Умер? – Охранник помрачнел. – Значит, торопиться точно некуда. А какой поезд вам нужен? Куда едете?

– В Заборск! Поезд отходит через две минуты!

– У, спохватились! Поезд в Заборск ходит по четным дням, а сегодня какой?

– Какой?

Она забыла, какой сегодня день, какой месяц, какой год. Как ее зовут, она сейчас тоже вряд ли бы вспомнила.

– Нечетный сегодня день, – терпеливо втолковывал охранник. – Так что можете не торопиться, нет сегодня вашего поезда.

– Как нет? Не может быть!

– Идите в кассу, там подтвердят.

Лена устремилась в кассу.

В окошке сидела полусонная особа средних лет с волосами, выкрашенными в немислимый огненный цвет, который явно должен был компенсировать недостаток ярких красок в жизни кассирши.

– Пожалуйста, – взмолилась Лена, – продайте мне билет на любой поезд до Заборска на сегодня!

– На сегодня нет, – равнодушно отозвалась кассирша. – Сегодня в Заборск поезда не ходят. Только завтра.

– Но мне очень нужно! Я заплачу сколько скажете!

– Да при чем здесь «сколько скажете»? Откуда я возьму билет, если нет поезда? Не задерживайте очередь, девушка! Берите что есть и отходите.

– Но мне очень нужно! У меня там муж умер.

В глазах кассирши мелькнул огонек, но она тут же погасила его и объявила:

– Следующий!

Лена почувствовала чье-то прикосновение.

Она вздрогнула и оглянулась.

Ее локоть сжимала тетка лет шестидесяти с выцветшими бледно-голубыми глазами и коротко стриженными соломенными волосами.

– Тебе срочно в Заборск нужно? – Она оглядывала Лену с ног до головы.

Лена кивнула. Не было ни сил, ни желания объясняться еще с кем-то.

– Возьми билет на нижегородский до Симакова, а оттуда до Заборска на такси доедешь.

– Что? – Лена попыталась понять, что ей только что сказали. – Какое Симаково? Мне в Заборск нужно!

– Так я и говорю, – кивнула тетка. – У тебя правда муж умер?

– Правда, – с трудом выдавила Лена.

Тетка погладила ее по руке:

– Горе. Когда мой умер, я неделю есть не могла, чуть сама не померла. Так я тебе говорю: бери билет на нижегородский, он отходит через час. Доедешь до станции Симаково, оттуда до Заборска всего пятнадцать километров. На вокзале машину возьмешь – тебя живо довезут. Там есть такой Коля – к нему садись, не сомневайся.

До Лены наконец дошло.

– Спасибо. – Она с трудом шевелила губами. – Как вас зовут?

– А тебе зачем? – удивилась та. – Прасковья я, Паня.

– Спасибо, Паня!

Лена вернулась к кассе.

– Дайте, пожалуйста, билет на нижегородский поезд до станции Симаково.

– Другое дело, – проворчала кассирша, стуча по клавишам, – а то, видишь ли, Заборск ей подавай. До Симакова, значит? На нижегородский только плацкартные остались, будешь брать?

– Любой, какой есть, – обрадовалась Лена.

Честно говоря, она не знала, что значит плацкартный, и очень удивилась, когда увидела вагон, в котором не было перегородок между купе. Все здесь ехали в одном открытом коридоре, друг у друга на виду.

Ей было все равно.

Она забилась на свою полку и сидела, глядя, как за окном проносятся сначала спальные районы, потом промышленные, потом нарядные дачные поселки, а после уже бесконечные леса и поляны.

Рядом ехала семья: тихая женщина, крупный громогласный мужик и толстый мальчик лет десяти.

Мальчик всю дорогу ел, мужчина ругал какую-то Антонину.

Потом он куда-то ушел. Минут через десять женщина бросилась на поиски, а еще через двадцать вернулась, ведя на прицепе успевшего набраться мужа.

– Нет, вот где ты только успел? – вздыхала она. – На пару минут же всего отлучился!..

Муж невнятно булькнул что-то в ответ и мигом захрапел на нижней полке. Мальчишка выпросил у матери еще мороженое – его предлагала разбитная тетка, шагавшая по вагонам, – и тоже уснул. Измученная особа села на полку к мужу, ближе к проходу, поставила ноги на чемодан, руками вцепилась в объемистую сумку и задремала.

Лена подложила куртку под голову и тоже легла. Делать было нечего. Еще через минуту открылась дверь вагона, и в проходе появился странный парень. Небольшого роста, худой, весь дерганный, как на пружинах. Шел он, подскакивая, размахивая руками и крутя на ходу головой во все стороны. Лене показалось, что голова способна крутиться вокруг своей оси. В придачу губы у парня шевелились, он бормотал что-то неразборчивое и стрелял по сторонам быстрыми глазами.

За секунду до того, как встретиться с ним взглядом, Лена прикрыла глаза. Еще привяжется с разговорами, а ей сейчас не до этого. Она продолжала наблюдать за ним из-под полуопущенных ресниц.

Парень прошел было мимо, но тут поезд слегка качнуло, и он наклонился к Лениной соседке. Та всхрипнула и выпустила из рук ручку сумки. Лена забеспокоилась, но парень уже просил закурить в соседнем отсеке. Там ему дали сигарету, но беседа не завязалась, и он повернул назад. Поезд снова качнуло, и парень, потеряв равновесие, повалился на тетку. Он почти сразу отпрянул со словами извинения, но Лена сверху видела, что он успел запустить руку в сумку.

– Караул! – закричала она. – Грабят!

Не открывая глаз, тетка вцепилась парню в руку.

– Пусти! – взвыл тот. – Пусти, сука!

Мальчишка проснулся и пнул его что было сил. Воришка извернулся и бросился наутек.

– Украл что-нибудь? – спросила Лена.

– Не успел. Я кошелек на самое дно кладу, еще в пакет заворачиваю. Но тебе, девушка, спасибо. Ты куда едешь?

– В Заборск.

– В Заборск? – обрадовалась тетка. – У меня там дядька двоюродный в таксистах. Дядя Коля, его все знают. Увидишь – привет от Лиды передай.

Лена думала, что эта дорога будет бесконечной. Но нет, в проходе показалась проводница.

– Вы, что ли, до Симакова? Через десять минут приезжаем. Стоянка две минуты.

Лена поблагодарила и пошла к выходу, благо из вещей у нее всего одна сумка. Попрощаться с соседями не вышло: все семейство сладко спало.

Поезд ушел, и она осталась одна на пустом перроне.

Миновала здание вокзала, вышла на привокзальную площадь.

Здесь она увидела несколько машин, по большей части старых, выдавших виды иномарок. Даже на их фоне ржавые «Жигули» смотрелись вызывающе.

– Куда едем, дамочка?

Лена обернулась. Рядом нарисовался коренастый дядечка в куртке защитного цвета. Поблескивала круглая загорелая лысина, хитрые глаза шурились с любопытством. Вот сядешь к такому в машину, а он завезет в лес и ограбит. Хотя ей-то что терять?

– Мне в Заборск нужно.

– В Заборск? – На лице мужика отобразилась интенсивная работа мысли. – Заборск – это далеко, это не такое простое дело... Там такая дорога, что не всякая машина проедет. Я, конечно, могу вас довезти, у меня машина подходящая. Но не меньше чем за десять тыщ.

По тому, как блеснули его глаза, Лена поняла, что сумма немислимая. Все ясно: увидел городскую балованную куклу и решил, что можно загнуть какую угодно цену. Хотя ей все

равно. Сколько бы ни запросил этот провинциальный жулик – только бы скорее добраться до этого злополучного Заборска и собственными глазами убедиться, что мертвый человек в полицейском морге не Олег.

Да, в глубине души она знала, что никакой ошибки нет, что там, в морге, ее муж. Но все равно хотелось доехать как можно скорее. Что значат какие-то тысячи, когда она должна увидеть мужа!..

– Десять так десять, – кивнула Лена безучастно. – Где ваша машина? Поехали уже скорее.

Водитель крикнул – наверное, понял, что мог запросить больше, и расстроился. Но слово не воробей, сам назвал цену.

Он повел Лену к своей машине. Это оказались те самые «Жигули», точнее «Нива», хотя она в таких моделях не очень разбиралась. Бросила сумку в машину, села на пассажирское сиденье, и они помчались.

Сначала проехали по пыльным улицам неказистого поселка, мимо зеленых и голубых деревенских домиков, мимо нескольких блочных пятиэтажек, мимо торгового центра, увешанного яркими неоновыми вывесками. Оставили позади небольшую фабрику, приземистое здание почты, бетонный гараж, и снова вдоль дороги побежали деревенские дома. Наконец поселок закончился, и вдоль шоссе потянулся светлый и просторный сосновый лес.

Дорога была, как ни странно, приличная, так что разговоры о том, что не всякая машина здесь проедет, оказались чистой воды дезинформацией. Водитель, должно быть, понял, как это выглядит, и забормотал:

– Это только с виду дорога хорошая, а если приглядеться – ужас. Хорошо, что у меня машина такая, что где хочешь проедет, другая бы непременно застряла. На вид-то оно, конечно, шоссе как шоссе, а так...

Впереди показались холмы, на одном что-то блеснуло в лучах заходящего солнца.

– Вот уже и Заборск! – Водитель обрадовался, что может сменить тему. – Видите, церковь видна, это которая самая старая, а там остатки крепостной стены. Заборск – старый город, чуть не самый старый в России, больше тысячи лет. Сюда всякие ездят, и иностранцы...

Увидев, что Лена не слушает, водитель обиженно замолчал, правда, ненадолго.

– Вас к какой гостинице подвезти?

– Меня, пожалуйста, к отделению полиции.

– Полиция? – Водитель удивленно заморгал. – Я-то думал, вы насчет туризма – церкви поглядеть и все прочее.

– Прочее, – отмахнулась Лена и вдруг выпалила, хотя вовсе не собиралась откровенничать с этим типом: – Муж у меня здесь умер. Меня вызвали на опознание.

– Муж умер? – С физиономии водителя сползло хитроватое жизнерадостное выражение. – Ох ты горе-то какое!.. Прости, что я с тобой так, я же не знал...

Проехали мимо полуразрушенной крепостной стены. По сторонам потянулись нарядные домики с разноцветными наличниками. Тут и там попадались дореволюционные особнячки. Водитель свернул у старинной каменной церкви, выехал на площадь и остановился перед двухэтажным кирпичным зданием. Здание тоже было старым, позапрошлого века, не иначе.

– Вот она, полиция здешняя! – Он заглушил мотор.

Лена достала кошелек и с ужасом поняла, что наличных у нее совсем мало.

– Простите, не наберется десяти тысяч, – виновато проговорила она. – Здесь где-нибудь должен быть банкомат, я сейчас сниму.

– Да ты что, дочка! – запротестовал мужик. – У тебя такое несчастье, что же я, не понимаю? Я думал, ты из этих, из богатеньких. Да здесь и езды-то всего ничего. У тебя несчастье, я с тебя денег не возьму. Помни дяди-Колину доброту.

– Вы дядя Коля? – Она обрадовалась. – Вам от Лиды привет, от племянницы вашей.

– Ты и Лиду знаешь? Как она там?

– Да вроде в порядке, в отпуск с семьей поехала.

Лена собрала всю наличность, какую нашла в кошельке, и сунула водителю. Он вернул половину:

– Держи, тебе самой деньги понадобятся. Если что, сразу звони. – Он протянул ей листок с номером телефона, что-то вроде самодельной визитной карточки.

Лена поблагодарила, выбралась из машины, поднялась на крыльцо отделения и нос к носу столкнулась с рыжим парнем лет тридцати.

– Вы куда, гражданка? – остановил ее парень. – Прием окончен. Завтра приходите.

– Меня майор Мелентьев вызвал, – поспешила сказать Лена, пока ее не выставили.

– Мелентьев? – Рыжий удивился. – Так он давно ушел. Говорю же, приходите завтра.

– Завтра? А я так спешила, с таким трудом добралась до вашего города...

– Откуда добирались?

– Из Петербурга.

– Из Питера? – Парень присвистнул. – Ничего себе! А зачем же вас Мелентьев из Питера вызвал?

– Сказал, нужно прибыть на опознание. Вот я и прибыла.

– На опознание? – Лицо парня вытянулось. – Кого опознавать-то?

– Мужа.

– Значит, это ваш муж здесь... Ладно, раз уж приехали, пойдемте, провожу вас в морг.

Он двинулся по длинному коридору, время от времени оборачиваясь, чтобы убедиться, что Лена следует за ним.

Так они дошли почти до конца, свернули, спустились по ступенькам в подвал и остановились перед железной дверью. Рыжий смущенно кашлянул:

– Я не представился, извините. Маклаков, капитан Маклаков. И примите, эти, мои соболезнования.

– Спасибо. – Лене, правда, сейчас было не до этого капитана с его извинениями, она ждала, что увидит за этой дверью. – Елена Лотарева.

– Очень приятно, – пробасил капитан и тут же смутился. – Я не то хотел сказать. Не в том смысле, что мне приятно, что вы... что у нас... что ваш муж...

Он окончательно смешался, покраснел всем лицом и даже шеей, как умеют краснеть рыжие, и забубнил что-то уже совсем неразборчивое.

К счастью для него, в эту минуту железная дверь морга открылась, и в дверном проеме появился долговязый тип в несвежем халате.

– Что стучишь? – проворчал этот тип недовольно. – Нет у меня спирта, сколько можно повторять? Говорил же, что нет, а они все ходят и ходят.

– Что ты несешь, Трофимов? – возмутился рыжий капитан. – Какой спирт?

– Известно какой, медицинский. Зачем еще ко мне весь ваш отдел таскается?

– Да не мели ты ерунды при постороннем человеке. Не позорь наше славное отделение!

– При постороннем? – Долговязый заметил наконец Елену и уставился на нее с интересом. – Откуда мне знать, что она посторонняя. Может, вы с ней вместе за спиртом пришли. А если посторонняя, тогда что она здесь делает? Сюда, между прочим, посторонним вход воспрещен! – Санитар кивнул на табличку, откуда почерпнул эту мудрость.

– Она не в том смысле посторонняя. – Маклаков снова начал краснеть. – Она в том смысле, что совсем даже не посторонняя. Она на опознание приехала, прямо из Питера. Прикинь, из целого Санкт-Петербурга. Так что ты ее не смущай, а лучше покажи ей того, объект.

– Мужика, который в гостинице коньки отбросил?

– Слушай, Трофимов, имей же совесть! Это ведь жена трупа, в смысле потерпевшего. Которая вдова. Неужели не можешь как-нибудь деликатно?

– Жена? – Санитар еще раз взглянул на Лену, и в его взгляде проступило что-то, что можно назвать состраданием. – Вы извините, у меня профессия такая, не деликатная. Пойдемте, раз уж приехали. Раз уж из целого Питера.

В мертвецкой было ужасно холодно, как на Северном полюсе. Может быть, это был натуральный холод, но не исключено, что Лене стало холодно от того, что ей сейчас предстояло увидеть. Как бы там ни было, в эту минуту у нее зуб на зуб не попадал.

Они прошли в большую полупустую комнату, стены и пол которой были облицованы кафельной плиткой. На потолке сияли люминесцентные светильники, от которых, казалось, было еще холоднее.

Санитар подошел к стене, которая состояла из металлических секций вроде камеры хранения. Взялся за ручку одной из этих секций и потянул ее на себя.

Из стены выехала металлическая каталка, на которой лежало человеческое тело, накрытое простыней. Санитар откинул край простыни.

– Трофимов, не тот, – кашлянул за Лениной спиной капитан Маклаков. – Вернее, не та.

Действительно, из-под простыни показалось женское лицо, все в трупных пятнах и лиловых кровоподтеках. Лену передернуло.

– Прощения просим, номер перепутал, – зевнул санитар.

Он толкнул каталку обратно и выкатил другую секцию. Отбросил край простыни.

Лена закрыла рот рукой, чтобы не закричать.

Да, это было лицо Олега, ее Олега.

В памяти пронеслись самые волнующие минуты их жизни. Та, когда он сделал ей предложение. И еще день, когда он встречал их со Славиком из роддома. И то утро в гостинице в Барселоне, когда они проснулись от заглянувших в окно солнечных лучей.

– Это ваш муж? – раздался голос капитана Маклакова.

– Да, это он.

Лена сделала шаг, наклонилась над Олегом и долго смотрела на его лицо, стараясь запомнить каждую черточку, каждую морщинку. Потом дотронулась пальцами до его губ. Как часто она касалась этих губ своими губами! Сейчас они были такими холодными, неживыми. Но нет, она не отдернула руку, только провела легкими пальцами по щекам, по векам, ощупывая его лицо, как слепые люди знакомятся с чужим лицом на ощупь...

Было мгновение, когда Лене показалось, что веки Олега задрожали. Вот сейчас он откроет глаза и удивленно спросит: «Где я? Как я здесь оказался?»

Нет, этого не будет. Больше никогда она не услышит его голос.

Лена вглядывалась в лицо мужа, впитывала его, словно прощалась навсегда. От лица она перешла к шее.

Только сейчас она обратила внимание на два неровных синеватых пятна на шее мужа.

Она резко повернулась к Маклакову и хотела о чем-то его спросить, но капитан ее опередил.

– Подпишите, пожалуйста, вот здесь, что вы опознали тело мужа. – Он протянул ей распаханную картонную папку.

– Да, конечно.

Лена взяла у капитана ручку, положила папку на металлический стол, но прежде чем поставить подпись в нужной графе, проглядела другие строки.

«Горничная Иванова Нина Ивановна обнаружила труп потерпевшего, когда пришла делать уборку в номере семнадцатом гостиницы «Старый Заборск».

И еще ниже:

«Причина смерти: острая сердечная недостаточность».

– Эй, вам это читать нельзя! – заволновался капитан. – Это материалы следствия, секретная информация. Мне влетит, если кто-нибудь узнает, что я вам показал.

– Интересно, как же я могу подписать, не видя, что подписываю?

Капитан пожал плечами:

– Такой порядок.

– Здесь написано, что причина смерти – острая сердечная недостаточность.

– Ага, от сердца он умер. – К капитану вернулось его обычное равнодушие ко всему, включая страдания гостей из Питера. – Мужчины в таком возрасте часто умирают от инфаркта. Тем более муж ваш был бизнесменом, работа нервная...

– Но у него было здоровое сердце! – запротестовала Лена. – Он занимался спортом, пил только по особым случаям и только хорошее вино.

– Бывает: мужик с виду совсем здоровый, ни на что не жалуется – и вдруг раз, и все.

– Но он регулярно проходил обследования, я следила, чтобы он их не пропускал! У нас отличная страховка в дорогом медицинском центре!..

– Да знаю я эти дорогие центры! – Капитан Маклаков отмахнулся и скривил лицо.

«Откуда тебе их знать?» Лена окинула взглядом его дешевый костюм и поношенные ботинки.

Ее взгляд не остался незамеченным.

– Чего вы от меня хотите, гражданка? Это дело вообще не я веду, а Мелентьев. А насчет причины смерти его спрашивайте. – Он кивнул на санитаря.

– А что я? – сразу насторожился тот. – Я его вообще впервые вижу, его Евгений Петрович осматривал. Видите, на протоколе его подпись? Если он написал, что сердце, значит, так и есть.

– Евгений Петрович? Кто это?

– Доктор наш, – неохотно пояснил Маклаков. – Вообще-то он не наш, у нас он по совместительству, а на ставке в районной больнице. Это он мужа вашего осматривал.

Лена хотела сказать о странных пятнах у Олега на шее, но почему-то не решилась. А капитан уже торопил ее:

– Пойдемте отсюда! Холодно, вон вы вся посинели! И мне домой пора, жена ждет.

Не хватало ей сейчас только разговоров о его личной жизни.

– Пойдемте...

Она поднялась по ступенькам, прошла по длинному коридору и оказалась на крыльце. Маклаков еще что-то говорил, но она уже не слышала. Перед глазами стояло мертвое лицо Олега: губы, твердый подбородок, синеватые веки... Она машинально попрощалась с капитаном и увидела знакомую машину.

Дядя Коля распахнул дверцу:

– Садись, дочка. Отвезу тебя в гостиницу, а то заблудишься сама.

– Но у меня нет денег.

– Да забудь ты! Какие деньги, когда такое горе.

Город был маленьким, у гостиницы они были уже через несколько минут. Над входом светилась вывеска «Старый Заборск».

Она невольно вздрогнула: та самая гостиница, в которой умер Олег. Хотя город небольшой, наверное, здесь всего одна гостиница. Ладно, пускай две или три, все равно эта лучшая.

В холле за стойкой сидела дама средних лет с обвислыми щеками и жабым взглядом. При Ленином появлении она отложила книгу в розовом переплете, на обложке которой знойный красавец в камзоле обнимал пышноволосую блондинку в кринолине, и проквакала:

– Слушаю вас.

– Мне нужен номер.

Дежурная открыла тетрадь:

– Вам лучше или подешевле?

– Получше, – не задумываясь, ответила Лена и неожиданно для себя самой добавила: – Можно семнадцатый?

– Нет, как раз семнадцатый нельзя. Его полиция опечатала.

До жабьеобразной особы дошло, что она сказала лишнее.

– Полиция? – Лена воспользовалась ее замешательством. – А что там случилось?

– Ничего не случилось, – забормотала тетка, – ничего такого особенного. Вам номер нужен? Пожалуйста, восемнадцатый, ничуть не хуже. Берете восемнадцатый?

– Беру.

Лена так устала за этот бесконечный день, что хотела сейчас только одного – принять душ и скорее провалиться в сон.

Номер был небольшим, но чистым и опрятным. Горячая вода есть, душ в порядке – большего она сейчас не могла требовать.

Лена долго стояла под горячими струями, пытаясь прийти в себя от холода – холод morgа, холод надвигающегося одиночества.

Растерлась жестким полотенцем и легла. Кровать была удобной, мягкой и широкой. Слишком широкой для одного человека.

Лена была уверена, что не сможет уснуть, но усталость взяла свое. Уже через пару минут она провалилась в глубокий сон без сновидений.

И так же внезапно вынырнула из этого сна.

Сквозь щель в занавеске пробивался солнечный луч.

На какой-то ослепительный миг Лене показалось, что она снова в Барселоне и сейчас в комнату войдет Олег, загорелый, сильный, с двумя чашками кофе...

Но тут же на нее обрушился вчерашний день: страшный звонок, плацкартный вагон, полицейский morg. Она снова увидела мертвое лицо Олега и поняла, что жизнь закончилась.

Или нет?

У нее есть Славик, она должна жить ради него. Сейчас это означает, что нужно встать, принять душ и отправиться в полицию. Она должна получить тело мужа, отвезти его домой и похоронить. Все остальное будет потом.

Она встала, приняла душ и спустилась в холл.

За стойкой сидела все та же дежурная, похожая на жабу.

– У вас завтраки подают? – спросила Лена.

Не то чтобы она хотела есть, но чашку кофе стоило выпить – чтобы взбодриться перед предстоящим непростым днем.

– Завтраки? – Дежурная глянула на Лену так, как будто та попросила у нее устриц или фуа-гра. – Завтраков нет, но вон там чайник. Чай можете выпить.

Что ж, не нужно ждать от жизни чудес.

Лена вскипятила электрический чайник, опустила в чашку пакетик.

Чай отдавал одновременно промокашкой и веником, печенье по вкусу напоминало картон, но она выпила полчашки и заставила себя проглотить одно печенье.

Со вчерашнего дня она помнила, что отделение полиции недалеко от гостиницы, поэтому на встречу с майором Мелентьевым отправилась пешком. Действительно, все оказалось рядом.

Отделение было открыто. Заспанный дежурный у входа сообщил ей, что майор Мелентьев занимает двадцать четвертый кабинет.

Кабинет оказался комнатухой, которую почти целиком занимали два письменных стола и внушительный картотечный шкаф.

За одним из столов сидел костлявый тип с седой прядью в темных волосах. Перед ним громоздилась стопка картонных папок, которая удивительным образом не падала. Визит Лены тощего типа не слишком обрадовал.

– Вам чего? – подозрительно спросил он.

– Я Елена Лотарева, приехала на опознание мужа. Простите, вы майор Мелентьев?

– А, Лотерева! – Нелюбезный тип привстал. – Приехали, значит? На опознание, значит?

– Лотарева, – привычно поправила Лена. – Да, еще вчера приехала.

– Вчера? А Мелентьев говорил...

– А вы разве не Мелентьев?

– Я Скороходов, а Мелентьев сейчас в морге. Идите туда, как раз опознание проведете. Это вам по коридору до конца, потом по лестнице вниз, там будет железная дверь...

– Спасибо, я там уже была.

– Когда?

– Вчера. Я же говорю, что еще вчера приехала.

– Вчера? Ага, найдете дорогу.

– Найду.

Лена вышла и отправилась по уже знакомому маршруту.

Перед железной дверью морга она остановилась и позвонила.

Дверь распахнулась почти сразу. На пороге возник санитар, но не тот вчерашний. Этот был ниже ростом, с плоским, как блин, лицом и бесцветными волосами.

– Тебе чего? – Он уставился на Лену.

– Майор Мелентьев здесь? Я к нему.

– Мелентьев? Мелентьев здесь. – Санитар обернулся и прокричал в глубину: – Иваныч, тут к тебе дамочка какая-то!

За спиной у санитара раздались тяжелые шаги. На пороге возник обрюзгший мужчина лет сорока с недовольными свиными глазками. В этих глазах и во всем облике майора было что-то удивительно неприятное.

– Вы кто? – уставился он на Лену. – Вы зачем?

– Лотарева. Вы мне звонили.

– А, Лотареева! – Майор оживился, свиные глазки загорелись.

– Лотарева.

– Неважно. Пойдемте на опознание.

– Но я уже...

Майор оставил ее слова без внимания, просто развернулся и пошел в глубину покойницкой. Ничего не оставалось, как проследовать за ним. Даже со спины Мелентьев показался ей каким-то фальшивым, словно он изображал другого человека.

На этот раз тело, накрытое простыней, лежало на каталке посреди комнаты. Санитар привычным жестом откинул край простыни, и Лена снова увидела Олега. Она подошла ближе, снова вгляделась в неподвижное лицо мужа. Знала, что это не приведет ни к чему хорошему, но не смогла удержаться.

Глаза, закрытые тяжелыми синеватыми веками, чистый высокий лоб, губы...

Сердце защемило, в ушах застучала кровь.

– Вам, может, этого, нашатыря? – запыхтел сбоку Мелентьев.

– Нет, ничего не нужно, – ответила Лена как могла твердо. Не хотелось выказывать слабость перед этим человеком.

– Значит, подтверждаете, что это ваш муж?

– Да, я же уже опознала его. – Лена опустила взгляд на шею Олега, туда, где вчера увидела два странных кровоподтека.

Сейчас их не было. Шея была ровного, чуть желтоватого цвета. Как же так? Лена закусила губу. Она точно видела вчера эти пятна!..

– Что значит, уже опознали? – Голос майора отвлек ее от пятен. – Когда это вы успели?

– Вчера. Сразу, как приехала.

– Вчера? – Мелентьев изумился, но не только. Что это, неужели испуг? – Как приехали вчера? – не отступал он. – Вчера же не было поезда. Вы что-то путаете.

– Ничего я не путаю. У вас бумаги в руках, посмотрите сами, там есть моя подпись.

В руках майора действительно была вчерашняя картонная папка, та самая, что у Маклакова.

Он открыл ее, перелистал.

– Н-да, действительно, протокол опознания подписан. Как же вы вчера добрались?

– На нижегородском поезде до Симакова, а оттуда на машине. Так и добралась.

Майор устался в угол и пошевелил губами.

– Ладно, раз опознание уже провели, пойдемте ко мне в кабинет. Там подпишете остальное.

– А что еще нужно подписывать?

– Там много еще чего. – Он отмахнулся от нее, как от назойливой мухи.

Вошли в кабинет.

Сосед Мелентьева сидел на прежнем месте.

– А где Маклаков? – прищурился майор.

– Его несколько дней не будет, у него жена ночью родила, – проскрипел сосед. – Представляешь, снова девчонка!..

– Юрий Николаевич, – насупился Мелентьев, – не хочешь пока в буфет сходить?

– В буфет? – Тот недовольно оторвался от своих бумаг. – А что мне там делать?

– Что хочешь. Можешь кофе выпить, можешь чаю. Мне с гражданкой побеседовать надо.

– Ага.

Скороходов поднялся, мрачно взглянул на Лену и вышел.

Мелентьев потер руки, сел за свой стол и раскрыл папку.

– Вот здесь вам надо подписать, и вот здесь, и вот там еще. Видите, где галочки.

– А что это за документы?

– Да долго объяснять, и вы все равно не поймете. Это такие тонкости юридические...

– А вы все-таки попробуйте. Раз уж мне их подписывать, хотелось бы знать, что это.

Ей очень не нравился этот тип. Казалось бы, какая разница? Нравится, не нравится – ей же с ним не детей крестить. Но что подделаешь, если этот человек вызывал просто физическую неприязнь. Не хотелось сидеть рядом с ним, разговаривать тем более. Но придется, потому как майор этот явно тот еще прохиндей, и веры ему ни в чем быть не может.

– Ладно, – скривился он, – это постановление о прекращении дела. Нет оснований для его возбуждения, поскольку смерть вашего мужа наступила от естественных причин. Это расписка, что вам вернули его вещи.

– Но мне их пока не вернули.

– Да, действительно. Хорошо, что вы напомнили. – Он выдвинул ящик стола, достал оттуда пластиковый пакет, положил перед Леной. – Вот его вещи.

Вытряхнул все из пакета на стол.

Там был бумажник Олега – она его помнила хорошо, еще бы, сама ведь подарила. Еще телефон мужа, ключи от квартиры, визитница и какие-то мелочи.

Майор сгреб вещи обратно и подтолкнул их к Лене.

– Подписывайте!

– И тогда я смогу забрать тело мужа?

– Забрать? – Мелентьев пожевал губами. Глазки забегали. – Нет, забрать его вы пока не можете.

– Вот интересно! – Лена поставила локти на стол и придвинулась ближе к этому типу. – Вы же говорите, что смерть была естественной, уголовное дело не возбуждено. Так почему я не могу забрать тело?

– Бюрократические сложности, мадам, понимаете? Бумажная волокита. Главное дело, сегодня ведь суббота, завтра воскресенье, никого из начальства нет. Знаете, что я вам посоветую? – В маленьких глазках появилось что-то отдаленно напоминающее заботу. – Вы под-

пишите документы, и можете ехать домой. Правда, что вам здесь делать в выходные? У нас скучно. Поезжайте домой, а в понедельник приезжайте, и тогда сможете его забрать. А то просто пришлите кого-нибудь. У вас ведь есть кого прислать?

Лене показалось, что перед ней паук, плетущий вокруг нее паутину из слов. Еще немного, и она запутается в этой паутине, не сможет пошевелить ни рукой, ни ногой.

– Постойте! – Она решительно тряхнула головой. – Для начала скажите хотя бы, что с ним произошло. Я ведь пока ничего не знаю, мне никто ничего не объяснил.

– Что произошло? – удивился Мелентьев. – Известно, что произошло: сердце не выдержало. Горничная зашла в номер, а он мертвый лежит. Горничная Иванова, ну да, Нина Иванова. – Он заглянул в папку. – Вызвала администратора, администратор позвонила в полицию. Врач определил смерть от сердечного приступа. Вот, собственно, и все.

– Постойте, а водитель? Вместе с Олегом к вам в город приехал его водитель и по совместительству охранник Сергей Петухов. Где он?

– Насчет водителя, к сожалению, ничего не знаю. – Мелентьев развел руками. – В гостинице он не числится, куда делся – не ясно. Может, ваш муж его сам отпустил.

– Да куда бы он его отпустил? – Лена повысила голос. – Он его специально с собой взял, чтобы машина была. И водитель свой, Олег с чужим человеком не любит ездить. Не любил.

– Насчет водителя вы все-таки выясните у мужа на фирме, – отечески посоветовал майор. – Если и правда он здесь был, объявим в розыск. И машину тоже. Машина небось дорогая, да?

– У меня муж умер, а я буду о машине беспокоиться?

Лена почувствовала, что сейчас упадет на пол и будет кататься и выть по-звериному. Только в эту минуту до нее окончательно дошло, что Олег мертв и она больше никогда его не увидит. Она перехватила взгляд майора. Было в этом взгляде какое-то презрение, даже брезгливость. И что-то еще – страх? Как бы там ни было, этот взгляд ей помог. Уж очень не хотелось быть слабой рядом с этим типом.

Сидит княгиня в верхней светелке, глядит на дорогу. По этой дороге три месяца назад муж ее, Игорь, ушел с дружиной своей в полюдье – дань собирать. В богатую землю ушел, к древлянам. Древлян еще старый князь, господин Олег усмирил. С тех пор они исправно платили дань, не роптали.

Три месяца как ушел господин Игорь, и нет от него ни слуху, ни духу, ни весточки. Ждет его княгиня, и тоска грызет ее сердце.

Казалось бы, давно она за князем замужем, пора привыкнуть: княжье дело военное, часто со своей дружиной уходит – то на хазар, то на болгар, то на касогов. А третьего года даже на греков ходил, на великий город Царьград. Неудачный поход случился, с малой дружиной вернулся князь и почти без добычи. Но что уж поделать, всяко бывает. Ратное дело опасное.

Пора бы привыкнуть – но только на этот раз сердце княгини неспокойно. Сенная девушка принесла фруктов в меду, орехов – отказалась княгиня, не хочется ей ничего, и сладость не всласть без любимого мужа.

Сидит княгиня, глядит в окно, а на дороге пыль поднялась столбом. Не князь ли едет?

Нет, не князь. Издалека узнала бы она его гордую осанку, кованый шлем, парчовую червленую накидку, которую вышила своими руками.

Не князь и не дружина его – едет малое число людей на мохноногих низкорослых лошадаках, в одеждах мехом наружу, в косматых медвежьих шапках. Во двор княжский въехали, с лошадок своих слезли, шапки скинули и стоят – переминаются, переглядываются. На ногах у них не сапоги, а лапти лыковые, ровно у простых мужиков. Однако на шеях гривны серебряные, на одеждах застежки бронзовые с мордами звериными – видно, что непростые люди. Сами

как медведи – косматые, кривоногие, бороды лопатами. Озираются – в диковину им княжий двор, высокий терем, окна с резными наличниками.

Вошел к княгине в светелку старый слуга Асмус, еще господину Олегу служивший, поклонился.

– Кто такие? – спросила княгиня, и сердце замерло, чуя беду.

– Древляне, – ответил Асмус. – Говорить с тобой хотят, княгиня.

Поднялась княгиня, спустилась по крутой лесенке, вышла во двор. Встала перед гостями молча, глядит важно, на посох свой опирается. Ждет, что скажут.

Древляне ее увидели, зашептались. Одного вперед вытолкнули, тот поклонился и заговорил:

– Так и так, княгиня, не обессудь, только мужа твоего мы убили. Больно жаден был. Одну дань собрал, за другой вернулся. Нельзя с одного барана семь шкур драть. Поводился волк на овчарню – всех овец передошлет, если его не убить.

Покачнулась княгиня. В глазах потемнело, словно ночь наступила среди белого дня. Но устояла на ногах, только посох чуть не сломала. Не говорит ничего – пропал голос у княгини.

А древлянин увидел, что Ольга не кричит, не гневается, и расхрабрился.

– Мы, – говорит, – вину свою понимаем. Раз мы мужа твоего убили, дадим тебе другого. Выходи за нашего князя Мала. Мал – хороший князь, удачливый. Дружина у него храбрая, терем крепкий, погреба от добра ломаются.

– Хороший, говоришь? – улыбнулась княгиня. Надо же, и голос прорезался!

– Хороший, хороший! – обрадовался древлянин. – Сильный, как медведь! Храбрый, как волк! Будет тебе хороший муж. Ты, княгиня, правда, немолода, вышла из возраста, ну да ничего, видная еще женищина и приданое хорошее князю принесешь. Не сомневайся, выходи за нашего Мала!

– А что, – проговорила княгиня чужим голосом, – вдовье дело известное: некому вдову защитить, некому согреть, некому за нее заступиться. Пожалуй, пойду я за вашего князя. Только пришлите сватов, все честь по чести – с подарками и гостинцами. Княгиня я, не простолоудинка какая.

– Пришлем, пришлем, непременно пришлем! – заговорили древляне разом. Обрадовались тому, как легко дело сладилось.

– Так пошлите кого-то за сватами, а остальные пожалуйста ко мне, будьте моими гостями. Покажу вам, как киевская княгиня важных гостей принимает.

Пошептались древляне промеж себя, послали двоих верховых за сватами, а остальные в дом пошли на княгинино угощение.

Верховые, которых за сватами послали, пригорюнились: не видать им княгинино гостеприимства, не пробовать ее разносолов. Но делать нечего, поехали.

– По нашему обычаю, – говорит древлянам Ольга, – прежде угощения надлежит в бане попариться.

– Отчего же не попариться, – отвечают древляне. – Баню мы тоже уважаем.

Отправились они в баню.

Хорошо княгинины слуги баню натопили, жарко.

Парятся древляне, вениками березовыми друг дружку охаживают. А княгинины слуги заперли баню, дверь колом подперли и подпалили баню с четырех сторон.

– Больно жарко у княгини натоплено! – говорят древляне друг другу. – Видно, сильно нас уважает.

А как поняли, что горят, подняли крик, да только поздно было.

Княгиня сидела в своей верхней светелке, слушала их крики и думала. После глянула на себя в зеркало и увидела, что волосы ее в один день стали белы как снег.

Лена вышла из отделения полиции и побрела по улице, сгорбившись и шаркая, как старуха. Чувство было такое, как будто к каждой ноге привязали по чугунной гире. Хотелось лечь прямо здесь, на грязный потрескавшийся асфальт, и чтобы никто ее не трогал.

Вышла на небольшую пыльную площадь. Похожие друг на друга тетки торговали с лотков разной мелочью: резинками для волос, обручами со стразами, пластмассовыми игрушками, трикотажными кофтами необъятных размеров и юбками немыслимой расцветки.

– Девушка, купи иконку!

Невысокая чистенькая старушка притулилась здесь же со своим товаром. Маленькие иконки, дешевые медные крестики на шнурках, крошечные стеклянные бутылочки с непонятной желтой жидкостью.

– Это у меня маслице освященное, – улыбнулась старушка Лене. – Но ты иконку купи, вот Николая Угодника, он поможет.

– Откуда вы знаете? – вырвалось у Лены.

– А как же! – Старушка всплеснула руками. – Идешь-то ты откуда? Ясное дело, из ментовки. Вид у тебя расстроенный, сразу видно: не по ерунде так убиваешься, по серьезному делу. Стало быть, мужа посадили или еще кого из близких. Вот Николай Угодник и поможет.

– Не поможет, – вздохнула Лена. – Умер муж, ему теперь никто не поможет.

– Свят, свят, свят, – старушка быстро закрестилась, – в церковь тебе нужно.

– Шарфик черный у меня купи! – вступила в разговор одна из теток. – Раз вдова, нужно голову прикрыть.

И уже протягивала Лене черную косынку. Лена машинально взяла, расплатилась, обратила внимание, что денег в кошельке осталось всего ничего. Спросила у теток, где может быть банкомат, и те направили ее в магазин за углом.

В магазине банкомат не работал. Лена купила бутылку воды – отдала последнюю мелочь, едва хватило.

Вода была холодной, и в голове немного просветлело. Во всяком случае, появились хоть какие-то мысли. Что она делает на этих тихих провинциальных улицах, когда нужно что-то решать? Нужно договариваться о том, чтобы перевезти тело в Петербург, дальше похороны, хлопоты...

Да, но этот майор, как его, сказал, что пока тело ей не отдадут, какие-то неустранимые бюрократические преграды. Темнил, вдруг поняла Лена. Темнил, мялся, увиливал, отводил глаза. А может, ей показалось, может, все они такие. Им на все наплевать, они мертвых перевидали множество. А в глаза ему смотреть ей и самой не хочется, уж больно неприятный тип.

Нужно звонить Вадиму, компаньону мужа, одной не справиться. Без мужчины здесь никак.

Она набрала Вадима, и снова телефонный голос ответил, что аппарат абонента выключен. Да что же это такое! Ладно, в отпуске человек, но ведь есть же роуминг.

Она едва удержалась, чтобы не шваркнуть мобильником об асфальт. Еще не хватало остаться без связи. Телефон негодуяще пискнул и отключился. Так, это батарея разрядилась, а зарядка в гостинице. Хорошо, как раз туда она и направляется.

По дороге ей пришло в голову, что можно позвонить адвокату. Пусть не приедет сам, но хотя бы советом поможет.

Адвокат у мужа был. Аркадий Викторович Лобачевский, Лена видела его несколько раз. Такой лысоватый, с брюшком, в районе пятидесяти. Взгляд хитрый, словами сыплет, как лученым горохом, все время ахал и норовил поцеловать Лене руку. Олег тогда посмеивался и говорил, что Аркадий выбрал себе такой имидж, что судить надо не по нему, а на самом деле он человек неглупый и адвокат хороший. Понятно, с плохим Олег не стал бы иметь дело.

Да, с этого стоило начинать, жаль, что она не сообразила раньше. Но номера Лобачевского у нее нет. Это все у мужа, она в такие дела не вдавалась.

Телефон Олега ей вернули, но он давно разрядился, а чтобы включить его после зарядки, потребуется пин-код.

А вот Олегов пин-код она не знает. Да и кто знает коды чужих телефонов и карточек?

Лена допила воду, выбросила бутылку в урну и двинулась к гостинице.

Банкомат нашелся по дороге в небольшом супермаркете. Она сняла небольшую сумму и почувствовала себя увереннее.

Холл гостиницы пустовал. За стойкой скучала уже другая дежурная, моложе, но похожая на ту, первую. Эта тоже напоминала жабу, но вполне симпатичную, молоденькую. Лена вспомнила, как совсем недавно они читали со Славкой сказку о Серой Звездочке. Жабы вообще-то приносят пользу...

Сердце защемило, когда она подумала о сыне. Как она скажет ему, что папа больше никогда не придет? Позвонить маме прямо сейчас? Нет, она должна сама все сказать Славке, и не по телефону. Она обнимет его, прижмет к себе и даст слово, что теперь они будут всегда вдвоем.

– Вам плохо? – Дежурная, видно, заметила, что с ней что-то не так. – Дать вам воды?

– Спасибо. – Лена улыбнулась. – Я пойду к себе в номер, отдохну.

Отдыхать она не собиралась, откровенничать с дежурной тоже. Взяла ключ от номера и поднялась на второй этаж. В коридоре никого не было, но издали доносился шум пылесоса. Лена прошла мимо двери семнадцатого номера с наклеенной бумажкой – значит, по-прежнему опечатан. Остановилась у своего, восемнадцатого номера.

Она немного помедлила и решилась. Спрятала ключ и пошла на шум пылесоса.

Дверь в двадцатый номер была открыта. Лена тихонько вошла, остановилась на пороге. Горничная ловко орудовала громоздким пылесосом. Лена видела ее со спины. Невысокая, приземистая, рыхловатая, одета в синий рабочий халат. Светлые волосы собраны в хвостик на затылке.

Лена стояла, не зная, что делать. Горничная выключила пылесос и обернулась.

– Господи, напугали-то как! Что случилось?

Невыразительное лицо, белесые коровьи ресницы, нос пуговкой.

– Вы Нина? – спросила Лена сдавленным голосом.

– Нина, – подтвердила та и вдруг догадалась: – Ах, вот вы кто!.. Чего надо?

Откуда такая враждебность, Лена не поняла.

– Вы его нашли. Расскажите, прошу.

– Нечего рассказывать, – грубо оборвала ее Нина. – Все уже в полиции рассказала. Приехали, натоптали, спрашивали-спрашивали, всю душу вытянули. А я что? Я ничего не знаю. Стучала-стучала утром – убирать-то надо, а он не открывает. Думаю, может, ушел уже? Или спит так крепко? Вошла, в общем, а он...

– Как он лежал? – Лена шагнула ближе и схватила горничную за руку. – На кровати? Во сне умер? Или к двери успел подойти? А если стало плохо, почему не вызвал врача? Не успел? Скажите же, мне очень важно это знать!

– Ничего не знаю! – Нина вырвала руку, и в глазах ее мелькнули раздражение и еще почему-то страх. – Ближе к нему не подходила, увидела, что лежит, и сразу вниз, к дежурной. Она уж полицию вызвала, а дальше нас и близко к номеру не подпустили.

– Почему не «Скорую»? – слабо удивилась Лена. До нее сейчас все доходило с трудом.

– Так что «Скорую» зря гонять, когда он мертвый?

– Но откуда же вы знали? Вы же к нему не подходили! Может, ему еще можно было помочь!

– Не знаю ничего! – Нина отступила к окну. – Ничего не видела, сразу вниз к Тамаре, а она уже номер заперла и полицию вызвала! Знаете, дама, идите отсюда, не мешайте работать. Трудящегося человека всякий обидеть норовит, знает, что заступиться некому.

– Почему вы со мной так? – Лена почувствовала, что вот-вот заплачет. – Я только что потеряла мужа, не сделала вам ничего плохого, а у вас для меня нет и минуты?

– Не знаю ничего. – Нина как будто ее не слышала. – Ничего не трогала, ничего не брала. А если у вас что пропало, так это не ко мне, я пятнадцать лет на этом месте, и никогда постоянно не жаловались, не было такого!

– Да ничего у меня не пропало.

Лена развернулась, чтобы уйти, но вдруг остановилась.

Она все вспомнила. Вот Олег собирается в этот проклятый Заборск, вот обнимает ее на прощанье. Вот она прижимается щекой к его руке и ощущает холодный металл. Часы! Дорогие швейцарские часы, Олег купил их себе на сорокалетие. Она не могла их ему подарить, у нее не было своих денег. Но выбирали они их вместе. Олег никогда с ними не расставался.

– Часы, – пробормотала Лена. – Где же часы?

Майор Мелентьев отдал ей вещи Олега, все, что было при нем: бумажник, ключи, визитницу. Но часов в этом пакете не было. Куда они могли подеваться? Украл санитар в морге? Не может быть, до санитаря такие часы просто не могли дойти.

Этот противный майор из полиции? Тоже вряд ли, он все же лицо официальное.

– У моего мужа были дорогие золотые часы, – твердо проговорила Лена и посмотрела горничной прямо в глаза.

– Что? – Было очевидно, что Нина перепугалась. – Не брала ничего, не видела! Тебе не меня спрашивать надо.

– И спрошу. – Лена подошла ближе. – Непременно спрошу и узнаю, что тут произошло.

– Ага, спроси! – Теперь в голосе горничной слышалось злорадство. – Спроси Маринку, что она у твоего мужика делала!

– Какую Маринку? – оторопела Лена.

– Девку одну, здесь, в гостинице, работает.

– Кем работает? – по инерции спросила Лена, уже догадываясь по лицу горничной, что это за Маринка.

– Не хотела говорить, чтобы покойника не порочить, но раз ты на меня бочку катишь, скажу. Молчать не буду и покрывать ее тоже не собираюсь! – Нина вошла в раж. – Трудящегося человека каждый норовит обидеть, знают, что заступиться некому!

– Не ори. – Лена тоже перешла на «ты». – Говори толком, при чем здесь Маринка.

– Не догадываешься? – Нина гаденько усмехнулась. – В ту ночь Маринка у твоего была, вот что. Из номера его выходила.

– Что?

– А вот то. Не веришь, ага. – Нина успокоилась так же неожиданно, как и завелась. – Я о своем тоже не верила, когда все твердили, что он к моей лучшей подружке ходит. А застала их тепленькими в моей же постели. И насчет Маринки врать не стану – сама ее видела.

– Не может быть. – Лена почувствовала, что ноги ее не держат, и чуть не села на пол.

– Точно. Я тогда Таньку замещала. – Нина кивнула вниз, и Лена поняла, что речь о молодой дежурной. – Таньку сюда мать пристроила, Тамарка. А у нее парень есть. Так, ничего себе, только мать против. Вот Танька берет ночные дежурства, и парень ее сюда приходит. Дело, понятно, молодое, вот они и это самое, в свободном номере. А я вместо нее сижу, не за так, понятно. За так сидеть дураков нет. Главное, чтобы Тамарка не узнала. Так вот, сижу я, подремываю, смотрю – идет кто-то. Я глаза открываю: Маринка, ее платье и каблучищи. Бегом мимо меня пробежала, ничего не сказала. Мне-то что, меня это не касается. У Ахмета с хозяином гостиницы договор, чтобы девиц присылать, если нужно.

– Так, может, она не к нему, не к Олегу?

– К нему, – ответила Нина, – больше не к кому. У нас тогда народу мало было, как раз большая группа туристов уехала. Только он один в номере был, остальные семейные и еще две

тетки-богомолки. Не к кому ей больше было идти. Так что с Маринки спрашивай, если что не так. А лучше брось ты это дело. Случилось и случилось, все под богом ходим. Человека все равно не вернешь.

– А где найти эту Маринку?

– Зачем тебе? – искренне удивилась Нина. – Волосы ей выдрать хочешь, глаза выпарапать? Это зря. Она у тебя мужика не уводила, он сам ее вызвал, какие к ней претензии? Конечно, если сперла чего, это другое дело.

Первым делом Лена собиралась выяснить, куда пропали часы. Кто-то их украл, и возможно, этот кто-то видел что-нибудь важное. Майору Мелентьеву Лена не верила ни на грош. Он сказал, что вызывали врача в гостиницу, а Нина вот твердит, что никакого врача не было, и ей Лена доверяет больше. Но если человек умер от сердечного приступа, его должен осмотреть врач. Или в Заборске другие порядки? А что, если Олегу могли помочь, но проваландались, и он из-за этого умер? Нет, она просто обязана все выяснить.

– Так где я найду Маринку? – снова спросила она.

– Вольному воля. – Нина пожала плечами уже гораздо более мирно. Не исключено, что делу способствовал край тысячной купюры, который Лена невзначай показала. – А что Маринку искать? Она здесь, комнату снимает у Дорониhi. Сама-то приезжая, из Малофеевки. Запомнишь, как Дорониху искать или записать тебе?

– Запомню.

– Это недалеко, – Нина ловко выхватила купюру, – пешком дойдешь.

– Спасибо, – бросила Лена и повернулась, чтобы уйти.

– Бутылек в магазине возьми, – напутствовала ее Нина на прощание. – А то Дорониха с тобой и разговаривать не станет.

Бутылек недорогого красненького Лена прихватила по дороге. Подумала и взяла еще пачку печенья и банку растворимого кофе. На всякий случай.

Мимоходом отметила, что уже и думает так, как никогда бы не думала там, в Петербурге. Да, здесь другой мир, другая жизнь, другие люди со своими законами и привычками. А в чужой монастырь, как известно, со своим уставом не ходят. И все же ее не оставляла мысль, что это не она, Елена Лотарева, холеная дама, мужняя жена, живущая на всем готовом, а кто-то другой, совсем не похожий на нее, мечется по незнакомому городу, что-то ищет, чего-то требует, пытается найти общий язык с неприятными личностями.

Раньше ей почти не приходилось принимать решения. У нее был муж, но теперь его нет. Что бы она ни сделала, Олега не вернуть. Так не разумнее ли смириться, уехать, найти в Петербурге адвоката, дозвониться до Вадима и поручить все им?

Нет, она так не может. Она сама должна выяснить, что же все-таки случилось с Олегом.

Домик Дорониhi она нашла легко – двухэтажный, с резными наличниками и флюгером на крыше. Тронула калитку, которая висела на одной петле, несмело позвала:

– Хозяева дома?

Никто не ответил. Не было слышно ни звука, и это Лену обрадовало. Хоть собаки нет.

Она пошла по тропинке, заросшей со всех сторон сорняками и малиной. Сорвала на ходу спелую ягоду. Вблизи дом потерял всю прелесть: краска облезла, окна мутные, явно их не мыли много лет, а в одном и вовсе не стекло, а фанерка. Возле дома сбоку стояла старая собачья будка. Лена покосилась на нее с опаской, но не увидела рядом никакой миски. Да и крыша будки прохудилась до того, что никакая уважающая себя собака не стала бы в ней жить.

Лена поднялась на скрипучее крыльцо и осторожно стукнула в дверь:

– Есть кто дома?

– Чего стучишь? – Дверь открылась не полностью, и на пороге появилась рослая старуха в красном фланелевом халате, знававшая лучшие времена. – Чего людей беспокоишь?

– Я Марину ищу. Мне очень нужна Марина.

– Марину? – Старуха прищурилась, окинула Лену взглядом с ног до головы. Она увидела себя – городскую, богатую, как они здесь говорят. Дамочку, которой неизвестно что нужно. Гостью из другого мира.

– Нет Маринки, – буркнула старуха. – И нечего ходить, людей беспокоить.

– А где она может быть, не знаете?

– Сказано, не знаю! – окончательно рассердилась старуха. – Она мне не докладывает. Иди отсюда, а то собаку спущу!

– Да нет у вас никакой собаки, – осмелела Лена.

– И то верно, – неожиданно согласилась старуха. – Сдохла Жулька в прошлом месяце, а я все не привыкну.

Судя по состоянию будки, Жулька сдохла никак не меньше года назад, но Лена решила не заострять этот вопрос.

– Значит, насчет Маринки не знаете ничего. А если так? – Она показала горлышко бутылки.

Старуха оживилась.

– Может, Анька в курсе? Подружка ее, вместе у меня квартиру снимают. Анька! – заорала она куда-то наверх. – Хорош дрыхнуть, тут до тебя женщина пришла!

В окне второго этажа шевельнулась занавеска, довольно чистая, успела отметить Лена, и хриплый голос сказал, что пускай тетка поднимается, если ей нужно.

– На третью ступеньку не ступай, – напутствовала ее старуха. – Сломанная она.

Удачно миновав опасную третью ступеньку, Лена подошла к двери, и та распахнулась сама.

Анька была девица хоть куда. Густые смоляные волосы после сна стояли дыбом, по красным щекам размазалась вчерашняя тушь, простой ситцевый халатик едва сходил на пышной груди.

«Не верю, – подумала Лена. – Отказываюсь верить. Пусть я никогда не ловила Олега на измене, но теоретически это еще можно допустить. Знаю, мужчины – существа полигамные. Но чтобы Олег имел дело с гостиничной шлюхой... Быть такого не может».

Увидев Лену, Анька тоже вытаращилась. Она-то думала увидеть какую-то тетку, а здесь вполне себе модно и дорого одетая девица.

– Я Маринку ищу, – заторопилась Лена. – Куда она подевалась?

– А тебе зачем? – поинтересовалась Анька без особого любопытства.

– По делу, – коротко ответила Лена.

– По делу. – Анька смотрела мирно, очевидно, Ленины одежда и внешний вид произвели на нее впечатление. – По делу не получится. Нет Маринки, уехала.

Анька с хрустом потянулась и почесала голову, после чего посторонилась, чтобы Лена могла пройти.

Комната была относительно чистой. Крашенные доски пола аккуратно подметены, занавеска на окне из кружевного тюля. Одна кровать застелена ярким турецким покрывалом, на второй скомканное одеяло. Белье на обеих кроватях довольно свежее. У окна стоял маленький столик, на нем – зеркало и электрический чайник. В углу дубовый шкаф, при виде которого в голове всплыло полузабытое слово «гардероб».

– Черт, как спать хочется, – зевнула Анька.

– Прости, что разбудила. А давай кофе выпьем. – Лена вытащила банку кофе и печенье. В сумке завалялась еще детская шоколадка – от Славки осталась, она и не заметила.

Анька оживилась, включила чайник, достала из шкафа две непарные чашки и мешок сухарей с маком.

– Черт, сахар, как назло, кончился! Баб Саня, – крикнула она вниз, – дай сахарку!

Старуха принесла четыре куска прямо в кулаке, от чего Лену слегка передернуло. Дорогих, видно, уже тяпнула у себя внизу полбутылка, так что сейчас пребывала в настроении вполне мирном. Она игриво ткнула Лену кулаком в бок, выдала длинную тираду, где самым приличным было слово «шалавы», и убралась к себе.

– Так что с Мариной? – Лена протянула Аньке шоколадку.

– Да как тебе сказать. – Та затолкала в рот сразу половину и продолжила неразборчиво. – Позавчера ночью спим мы с ней, значит. Маринка еще порадовалась, что клиентов нет, хоть выспаться можно, как вдруг в первом часу ночи звонит Ахмет. Так и так, говорит, собирайся быстро, клиент в гостинице нарисовался.

– Кто такой Ахмет? – остановила ее Лена.

– Не знаешь? – Анька удивленно вытаращилась. – Ахмета не знаешь?

Лена быстро придвинула ей печенье, и Анька с удовольствием схватила еще пару штук.

– Ахмет над нами хозяин, мы все под ним, он все решает. Если проблемы какие с клиентом – разрулит. Одной работать никак нельзя, такие уроды попадают – мама не горюй. У него еще бизнес в городе, ресторан, «Подворье» называется. Но это к делу не относится. Так вот, Маринка собралась и поехала. Но вернулась рано, где-то в пять утра. Разбудила она меня в семь, как раз бабкин петух орал. Он всегда в семь кукарекает, как будильник. Пока я спросонья глаза продрала – Маринка уже вещи собирает. Спрашиваю, куда намылилась, а она говорит, дескать, как-то не по себе, клиент какой-то странный попался.

Сначала Ахмет ей велел влезть через окно на первом этаже и тихонько пройти, чтобы дежурная не заметила. Хотя с чего это вдруг: и Танька, и Тамара Петровна у него прикормленные, получают свой процент, обе слова не скажут, даже если мы вчетвером к одному клиенту заявимся.

– Что, и такое бывало? – процедила Лена.

– Нет, такого не было, – честно призналась Анька. – Маринка, правда, рассказывала, что как-то клиент двух заказал, но это еще до меня было. Словом, Маринка удивилась, но сделала, как велят. Ахмету задавать вопросы не рекомендуется. Но он сам объяснил, что клиент шифруется, жены боятся. Мало ли, вдруг настучат.

Приходит Маринка в семнадцатый номер, стучит, а оттуда высовывается рука, деньги ей протягивает. Мужик за дверью шепотом говорит, спасибо, мол, девушка, я передумал, вот вам за беспокойство, и идите домой. И в окно не нужно лезть, по коридору идите, не скрывайтесь.

Маринка хотела возмутиться, а потом посмотрела – денег много. Иной раз и за всю ночь столько не заработаешь. Она и пошла себе, даже спать легла, а сон не идет. Утром разбудила меня – что-то, говорит, стремно. Странно все получилось. То мужик трясется, чтобы никто не заметил, как она к нему идет, а то в открытую, через главный вход назад отправляет. Как будто нарочно хотел, чтобы ее увидели. И денег дал слишком много.

– А она этого мужика в лицо видела? – с замиранием сердца спросила Лена.

– То-то и оно, что нет! Руку только, которая деньги сунула. Рука как рука, пальцы толстые, волоски вроде рыжие, а может, светлые, там в темноте не видно.

Не Олег. Лена перевела дух. Это не Олег.

Ее муж был брюнетом, и пальцы у него длинные, ногти правильной формы. Нет, это не Олег. Но если ночью у него в номере был какой-то посторонний мужчина, а утром его нашли мертвым, значит... Боже мой!

Спокойно, это все разговоры. Если судить по этой Аньке, Маринка тоже наверняка небольшого ума. Могла придумать что-то, не разглядеть толком, забыть. Нужно с ней поговорить, может, она еще что-нибудь вспомнит.

Анька тем временем доедала печенье и оперативно подбиралась к сухарям.

– Куда она делась, Маринка твоя? – вздохнула Лена.

– К своим подалась, в Малофеевку, – охотно поделилась Анька. – У нее там отец и мачеха. Батя пьющий сильно, а мачеха такая сволочь, не описать. Маринка в шестнадцать лет от них сбежала. Поедешь – привет передай, скажи, что Ахмет приходил и насчет нее спрашивал.

Лена узнала напоследок, как найти Маринкину родню. Оказалось, нужно ехать на рейсовом автобусе до развилки, а там пешком около километра до Малофеевки. Фамилия бати Маринкиного Малофеев, но это ничего не даст, потому как в этой деревне все Малофеевы.

Лене повезло: рейсовый автобус ходил по расписанию, и ждала она совсем недолго. Народу на остановке было немного. В последний момент подкатил вихрастый парень на тарахтящем мотороллере, ссадил симпатичную старушку, посадил в автобус, подал увесистую сумку и ловко увернулся от ее поцелуя.

– Пока, бабуля, будь здорова. Приезжай еще.

– Димка, не гоняй на мотороллере своем, не дай бог убьешься! – крикнула она и сама себе не поверила. – Все равно не слушает.

– Внук? – улыбнулась Лена.

– Внук. – Старушка довольно сложила на животе полные морщинистые руки. – Четвертый, самый шибутной. Школу окончил, в институт поступил, скоро в Москву уедет. Погостила я у сына, пора и домой.

– Далеко живете?

– Да нет, в Малофеевке.

– Ой, а мне тоже в Малофеевку! – обрадовалась Лена.

Удивительно все же, что с ней происходит? Вот она уже заговаривает с посторонними людьми. Раньше такого и в помине не было. Хотя, с другой стороны, раньше она в загородных автобусах не ездила, все больше на своей машине и на самолетах.

Но нужно все-таки быть осторожнее. Нечего выбалтывать о себе все первому встречному.

Старушка, однако, оказалась нелюбопытной, а может, просто вежливой. Не набросилась на Лену с вопросами, что той понадобилось в Малофеевке и кто она вообще такая.

Дорогой говорили о разном.

Вишня в этом году уродила отменно, а вот яблоки не очень. Мелкие, еще и жучок поел. Лежать такие долго не будут, придется сушить. На компоты сгодятся.

Старушку звали Марией Михайловной, работала она всю жизнь фельдшером, в Малофеевке живет уже лет тридцать. Малофеевка теперь не та, что раньше, многие дома заколочены, в некоторые хозяева только на лето возвращаются. Многие уехали в Заборск, а то и дальше, в большие города. У нее самой дочка в Москве, а сын в Заборске, инженером на фабрике работает.

– Михална! – окликнул водитель. – Не зевай, развилка твоя.

– Ой, смотри-ка, уже приехали! За разговором и время незаметно прошло.

Лена подала соседке руку, подхватила тяжелую сумку.

– Спасибо тебе. Я теперь хожу плохо, вес лишний... Дочка все – худей, мама, худей! А куда худеть-то на старости лет, уже семьдесят шестой год пошел. Да и как похудеешь? Вроде и ем совсем немного, а вес прибавляется.

Шла старуха, однако, ходко, Лена с тяжелой сумкой совсем запарилась. Дорога была лесная, но торная, как сказала Мария Михайловна. Дождей не было давно, лужи просохли. До Малофеевки дошли минут за двадцать.

– Вот наша Малофеевка, – отчего-то с грустью сказала старуха. – Меньше половины от нее осталось. Раньше здесь леспромхоз был недалеко, все наши там работали. Клуб был хороший – тоже сгорел лет десять назад. Теперь на том месте один такой церковь строит. Но не

заладилось у него что-то, с епархией не договорится никак. Мой дом вон тот, с зеленой крышей. А тебе куда?

– Мне к Малофеевым. Дочку их, Марину, повидать надо.

– Маринку? – Мария Михайловна взглянула остро, хотела что-то сказать, но только поджала губы. – Давно Маринку не видела, не бывает она здесь. У нее родня такая, что их и видеть не хочется. Вот послал бог соседей.

– Подруга сказала, что она к своим подалась.

– Раз подруга сказала... – Старуха с сомнением пожевала губами. – Ладно, если что, заходи ко мне. – Она кивнула Лене и скрылась за калиткой.

Забор у старухи был хороший, металлический, на калитке замок. А вот у Малофеевых забора, можно сказать, не было вовсе. Торчали три подгнивших столба, а между ними какие-то буйные кусты. Калитка валялась рядом, видно, не выдержала такого отношения.

Лена не стала спрашивать разрешения войти.

Участок зарос лопухами и крапивой. Еле заметная тропинка огибала дом. Издалека доносился шум пьяных голосов. Кто-то орал песню, женщины визжали. Судя по всему, гулянка была в самом разгаре. Лена растерялась, соваться в незнакомую пьяную компанию не хотелось. Как бы вызвать Маринку и побеседовать с ней наедине?..

Она встала на завалинку и попыталась заглянуть в окно. В доме дым стоял коромыслом – в буквальном смысле, хоть топор вешай. Сидели какие-то люди: старик с неопрятной бородой, беззубый мужик в расстегнутой рубаше, удивительно толстая женщина с подбитым глазом. Девушки среди них не было.

«Что я здесь делаю? – стрельнула в Лениной голове здравая мысль. – Бежать отсюда как можно скорее!»

Она отпрянула от окна. Хлипкая дощечка под ней подлومилась, и Лена с размаху шлепнулась в крапиву. Со стоном потерла бок и замерла: прямо на нее из кустов шел огромный мужик, небритый, лохматый и голый по пояс. Из одежды на нем были только грязные камуфляжные штаны и галоши на босу ногу.

– О! – оскалился мужик. – И кто ж это к нам пришел?

– Я к Маринке приехала, я Маринку ищу! – У Лены никак не получалось подняться из крапивного куста.

– Мари-инку? – Глаза у мужика загорелись, как тормозные огни грузовой фуры. – Ты, значит, коллега ее будешь?

Лена кивнула и только потом с опозданием поняла, что это могло значить. Соглашаться не следовало ни в коем случае, но было уже поздно. Мужик сделал к ней огромный шаг и рывком поднял из крапивы.

– Ты заходи, заходи в дом! – Он продолжал скалиться. – Щас все организуем.

– А Марина где? – Лена попыталась отступить, но это у нее не вышло. – Если ее нет, то я пойду, мне на автобус надо.

– Куда это ты пойдешь? – весело удивился мужик. – Раз уж сама приехала, надо пообщаться. Не хочешь в дом – в сад пойдем, на свежем воздухе оно даже приятнее...

Он не договорил, потому что Лена с размаху двинула ему по самому чувствительному месту и рванула в сторону домика Марии Михайловны. Но, видно, двинула несильно: мужик не осел на землю от боли, а как бы слегка удивился и потопал за ней.

Лена неслась по тропинке. Там, за столбами, был ее единственный шанс на спасение. На улице можно и заорать, все же на дворе белый день, авось кто-то и выйдет. Чудом она не споткнулась и не растянулась на земле, зато уж репейников собрала не счесть сколько. А вот ее преследователю не повезло: он потерял галошу, въехал босой ногой в крапиву и наконец окончательно отстал. Лена успела выскочить на улицу и пробежать вдоль кустов.

Здесь он ее настиг.

– Стой! – зашипел он. Стиснул ее плечи, задышал луком и застарелым перегаром. – Не уйдешь, шалава подзаборная!

– Пом... – начала было Лена, но огромная грязная пятерня зажала ей рот.

Она исхитрилась и укусила эту пятерню. Мужик взвыл, затряс рукой и уже размахнулся, чтобы заехать Лене по уху. Силы у него, по всему видно, было немерено, оставалось только готовиться к худшему. В этот самый момент железная калитка приоткрылась, и в лицо мужику плеснули ведро холодной воды.

– Витька, – голос Марии Михайловны, – а ну пошел отсюда к чертовой матери!

Пока Витька отплевывался, она ловко втащила Лену за калитку. В последний момент он опомнился и дернул Лену к себе, но сумел только оторвать рукав кожаной курточки. Той самой, которую Лена когда-то покупала в Милане. Уж точно в другой жизни.

Хозяйка заперла калитку. Лена тихо сползла по забору на аккуратные плитки дорожки.

– Говорила я тебе: зря ты к этим Малофеевым идешь, ничего там хорошего нет.

Лену затрясло крупной дрожью. Она попыталась что-то сказать, но губы прыгали, и у нее вышли не слова, а какое-то бляение.

– Но-но, – Мария Михайловна погрозила ей пальцем, – не вздумай грохнуться в обморок. Сил не хватит тебя до дома тащить.

Лена послушалась, поднялась. По вымощенной плиткой дорожке они пошли к дому. Перед крыльцом цвели астры и георгины, в круглом вазоне пламенели настурции. Дом был аккуратно выкрашен жизнерадостной светло-зеленой краской. Окна радовали глаз чистотой и блеском.

Лена ничего не замечала, у нее была одна задача – дойти до крыльца. Дошла.

Старуха провела ее на кухню, небольшую, но уютную, усадила на диванчик, помогла снять куртку.

– Да, – усмехнулась она, – она теперь разве только на помойку годится.

Лена махнула рукой, проверила сумку. Слава богу, все при ней: паспорт, кошелек. Разгребла кое-как волосы, вытерла лицо влажной салфеткой. Мария Михайловна уже наливала в большую кружку крепкий чай. На столе в тарелке лежали пироги.

– Невестка с собой дала, – улыбнулась хозяйка, – как будто я сама не напеку. Ты ешь, мне столько нельзя.

Тарелка, на которой горкой высились пироги, была стеклянная и красоты изумительной – с райскими птицами всех цветов.

– Это у нас в Заборске фабрика, сын мне в подарок на семьдесят лет заказал. Мастер сделал индивидуально, – просияла Мария Михайловна.

После чая с пирогами Лене стало лучше. Исчезла противная дрожь, перед глазами не стоял жуткий мужик в галошах на босу ногу.

Хозяйка смотрела выжидающе. Лена допила чай и неожиданно рассказала этой, в общем, случайной попутчице все, что случилось со вчерашнего дня. Да, это же только вчера утром ее разбудил телефонный звонок и незнакомый голос, представившийся майором Мелентьевым, сообщил, что ее муж умер.

Мария Михайловна слушала не перебивая, только горестно покачивала головой.

– Что тебе сказать? – начала она, когда Лена остановилась перевести дух. – Большое горе у тебя. Но терять голову все-таки не надо. Люди разные попадают, сама убедилась. Эти Малофеевы, конечно, особо отличаются. Отец Маринкин до белой горячки допивался не раз, жена его – жуткая баба, Маринку в свое время била смертным боем. Этот Витька, – она кивнула в окно, – какой-то ей не то племянник, не то брат двоюродный.

Меня соседка Зинаида полностью в курс дела ввела. Ты, говорит, у сына отдыхала, а у нас здесь тоже жизнь не стояла на месте. Маринка явилась. Лет пять ее в наших краях не видели, и вдруг прикатила.

– Когда? – вскинулась Лена.

– А вот представь себе, что вчера утром, в пятницу. Мачеха, понятно, приняла ее не особо, но в дом пустила. Маринка сидит тише воды ниже травы, как вдруг вечером приезжают за ней на двух машинах. Главный на джипе – хлыщ такой, волосом черный, морда смуглая, разодет в пух и прах. Зинаида слышала в окно, вроде там все началось с шума и крика. Но потом парни, сопровождающие, значит, этого хлыща, пронесли в дом ящик водки, еще продукты какие-то, и все затихло.

Потом вышла Маринка, только вид у нее был не то чтобы радостный. Но в машину села сама, с тем и уехали. А эти, – Мария Михайловна снова кивнула на окно, – как начали квасить, так до сих пор и не уgomонились. Пока все не выпьют, не остановятся.

«Наверняка это Ахмет Маринку увез, – подумала Лена. – Ему дура Анька проболталась, где она. А отец родной дочку за ящик водки продал».

– Так что нет Маринки, зря ты такую дорогу проделала. Автобус теперь не скоро будет. Можешь, конечно, у меня заночевать.

– Спасибо, но мне в Заборск надо.

– Ладно, – она пожевала губами, – вроде Зинаидин муж туда вечером поедет. В больнице его перехватим.

– У вас больница есть? – удивилась Лена.

– А как же! Говорю же, что раньше у нас леспромхоз был. Больница на десять коек, доктор, фельдшер, сестры, санитарки – все как положено. Леспромхоза нет, а больничка осталась, со всех деревень сюда везут, если что. Конечно, потом в Заборск отправляют, если что серьезное, а так, по мелочи, сами управляют. Я в этой больнице тридцать лет проработала, два года назад только на пенсию ушла. А ты-то как, оклемалась?

– Да, мне уже лучше. Спасибо вам!

– Тогда пойдем, а то как бы Анатолий не уехал. Только тебе выйти не в чем. – Она с сомнением глянула на Ленину блузку. – Прохладно уже. На-ка вот. – Она принесла из комнаты флисовую куртку с капюшоном. – Это Димкина, внука моего. Ему все равно мала, валяется без дела.

Куртка была поношенная, но чистая. Хотя и у Марии Михайловны в доме все сияло чистотой. Вышли через заднюю калитку, чтобы не маячить перед домом Малофеевых. Хозяйка уверенно двинулась по проходу между заборами. По тропинке они прошли через рожицу, миновали небольшой пруд, заросший ряской и камышами, и вышли на пригорок.

– Вот она, больница наша! – с гордостью сказала Мария Михайловна. – Сколько лет, сколько лет!.. Всякое, знаешь, бывало. Доктор теперь только дважды в неделю сюда приезжает, в остальное время я сама управлялась. Раны какие обработать, уколы, капельницы. Роды даже принимала.

– Неужели?

– А ты что думаешь? Если приспичит, до Заборска можно не успеть. Один раз ребеночек ножками шел. Все, думаю, не справлюсь. Ничего, развернула его, все в порядке. Здоровенный парень, в армии служит.

Сейчас сотовые телефоны у всех, «Скорую» из любого места вызвать можно. А раньше, когда я в глубинке работала, у нас один транспорт был – телега с лошастью. Меня саму муж в райцентр вез рожать на телеге. Так растрясло, думала, прямо по дороге и рожу. Чувствую, потуги уже начались. Говорю мужу, останавливайся, мол, и готовься. Он так испугался, что лошадь вскачь пустил! Влетели в больницу, как будто за нами черти гонятся. Я ору от боли, муж – от страха, доктор вышел – тоже орет: что за беспорядки в медицинском учреждении? А меня и до палаты не донесли, сразу в родилку. Вот и пришли.

Мария Михайловна потянула на себя дверь. В небольшой приемной стояло три разномастных стула. Пожилая женщина мыла пол.

– Мария! – Она подняла голову. – Никак вернулась? А к нам чего?

– По делу, – коротко ответила та. – Анатолий еще здесь?

Выяснилось, что Анатолий во дворе, что-то делает по хозяйству, но сюда еще заглянет за какими-то бумагами.

– Мы подождем, – сказала Мария Михайловна. – Девушку вот с ним в Заборск нужно отправить.

Санитарка пожала плечами – нужно так нужно.

– Как у вас дела-то?

– Да как, – она оперлась о швабру, – вроде все как обычно. Только этот, которого на дороге нашли, все мечется. Видно, плохо с головой.

В холл вбежала совсем молоденькая сестричка.

– Тетя Маша, – обрадовалась она, – как хорошо, что вы здесь! Я ему ставлю капельницу, а он не дается!

– Ох, Аленка, учиться тебе и учиться, – вздохнула Мария Михайловна. Она двинулась за сестричкой, а Лена пошла за ними, чтобы не мешать мыть пол.

Больной лежал в углу палаты, рядом суежилась сестричка. Мария Михайловна опытной рукой поставила капельницу. Через пару минут он перестал метаться и успокоился.

Лена подошла ближе. Не может быть! Перед ней был водитель ее мужа Сережа Петухов. Узнать его из-за синяков под глазами и повязки на голове было непросто, но, несомненно, это был он.

– Знаешь его? – удивилась Мария Михайловна.

– Конечно! Это Сергей, он с моим мужем приехал на машине, – шепотом ответила Лена. – Но как он здесь оказался?

– Нашли вчера утром. Тот же Анатолий и нашел. Он ехал по шоссе, а там Ольгин овраг как раз к трассе выходит. Глянь – лежит кто-то у дороги, весь в крови. Ясное дело, ограбили, избили и бросили. Но мужик здоровый оказался, выполз кое-как.

Привез его Анатолий сюда, а у него ни документов, ни одежды верхней. Помощь оказали, конечно, раны заживут, а вот с головой у него плохо. Пришел в себя ненадолго, но ничего не помнит. Кто такой, как в овраг попал – молчит.

– И что теперь?

– Да что теперь? Доктор сказал ставить капельницы и обеспечить полный покой, может, память сама вернется. А если по-умному, так его обследовать надо: МРТ, сканирование и все прочее. У нас в Заборске такой техники нет.

– Он должен вспомнить, что случилось с моим мужем. Олег ему доверял!

Старуха только покачала головой. Из коридора донесся зычный голос Анатолия:

– Михална, ты, что ли, по мою душу?

– Тише ты. – Мария Михайловна взяла Лену за руку и вышла из палаты. – Здесь больной все-таки. Довези вот, пожалуйста, девушку до Заборска, знакомую мою.

– Ничего такая знакомая. – Анатолий подмигнул Лене.

Роста он был невысокого, о таких говорят «метр с кепкой». Интересно, откуда в таком хлипком теле такой зычный голос?

– Идите к машине, я сейчас буду.

Машина Анатолия оказалась неказистым грузовичком, но Лена была рада и этому. Ко всему уже здесь привыкла, ничему не удивлялась.

На прощанье Мария Михайловна крепко обняла ее.

– Чувствую, девонька, еще много испытаний тебе предстоит, и смерть мужа – только начало. Держись, не давай себе распускаться. И вот возьми-ка это.

Она вынула из кармана потемневший от времени крест. Крест был большой, сантиметров восемь в длину и в ширину. Лена взвесила его на ладони – тяжелый. Значит, из благород-

ного металла, но, как ни странно, теплый. В центре тускло блестел камешек, от него в четыре стороны разбегались камни поменьше. Крест был не на цепочке, а на простом грубом шнурке.

– Что это? – удивилась Лена.

– Не видишь, что ли? Крест. – Мария Михайловна отчего-то вздохнула. – Понимаешь, какое дело. Лет пять тому, да, как раз осенью, я еще работала тогда здесь, в больничке. Ночью привозят женщину. Немолодая, одетая скромно, но сильно избита. Нашел ее опять-таки Анатолий на том самом месте, где Ольгин овраг подходит к дороге.

– Откуда такое название – Ольгин овраг? – Неожиданно для себя самой Лена спросила о том, о чем вовсе и не собиралась.

– Да кто теперь знает, – старуха пожала плечами. – Вроде легенда гласит, что когда-то давно здесь проезжала княгиня Ольга и повелела в том месте поставить церковь. Тогда оврага никакого не было, был пригорок – как раз для церкви. А колдун здешний воспротивился, все твердил, мол, нехорошее это место, духи какие-то там живут.

Ольга, ясное дело, колдуна не послушалась, велела его плетью отстегать для острастки, а церковь ставить на том самом месте. Поставили, но она недолго простояла. Представь себе: лет через пять земля на этом месте разверзлась, и церковь ушла под землю. Образовался глубокий овраг, и назвали его Ольгиным.

– Сказки, – усмехнулась Лена. – Но красиво.

– Может, и сказки, – не стала спорить бабуля. – Только с тех самых пор овраг не зарастает, не осыпается – как есть, так и стоит. Лет тридцать назад, еще при советской власти, приезжали геологи, исследовали. Сказали, что там на самом деле очень глубокий разлом, как-то он по-научному называется. А в том месте, где он к дороге подходит, действительно иногда находят трупы. Некоторым удается спастись, тогда говорят, что им сама Ольга помогает. Вот как этому твоему знакомому и той женщине.

Ей, конечно, очень плохо было, маялась в бреде. А под утро в себя пришла и попросила посмотреть в ее одежде, там одна вещь зашита. Так я нашла этот крест. Она и говорит, мол, вещь дорогая, ценная, беречь ее надо как зеницу ока. И такая сила у этого креста, что он сам в трудную минуту кому надо поможет.

– Ей же не помог, – скептически усмехнулась Лена.

– Не помог, – Мария Михайловна и здесь не стала спорить, – умерла она к утру. Врач сказал, что сердце не выдержало. А насчет креста я никому ничего не сказала, как она просила. Пробовала носить – тяжелый, натирает, шнурок этот шею как цепью охватывает. Лет мне много, случись что – куда его? А ты возьми, тебе помощь нужна. Может, и отведет беду.

Лена повесила крест на шею. Странное дело, ей тяжесть совсем не мешала. Шнурок казался мягким, как шелк, а сам крест удобно лег в ложбинку между грудей.

– Спасибо вам за все! – Лена обняла Марию Михайловну. – Насчет Сергея я договорюсь, нужно его в Петербург вести.

– Бог тебе в помощь.

Подошел Анатолий.

В дороге Лена задремала. Проснулась только на подъезде к Заборску.

– Тебе в гостиницу? – покосился водитель.

– Нет, – неожиданно для себя она вдруг приняла решение. – Отвезите меня, пожалуйста, к ресторану «Подворье».

От Маринки она ничего не узнала, может, этой самой Маринки уже и в живых нет. Остался последний вариант – Ахмет, гроза гостиничных девиц и владелец «Подворья».

– В «Подворье»? – Анатолий неодобрительно прищелкнул языком, но ничего не сказал.

Недалеко от крепостной стены стоял приземистый деревянный дом из толстых бревен – имитация крестьянской избы. Над входом сияла вывеска «Ресторан «Подворье».

Перед тем как войти, Лена сняла мальчишечью флисовку, расстегнула пуговку на блузке и подкрасила губы. Вид, конечно, так себе, но для сельской местности сойдет.

Она шагнула в зал и огляделась.

Три-четыре столика были заняты, остальные пустовали. За барной стойкой бритый парень протирал бокалы. Возле стойки – небольшая эстрада, на эстраде белый рояль.

Самая большая компания сидела как раз рядом с эстрадой. Шумные нагловатые парни, в основном явно местные.

Лена прошла через зал, чтобы сесть за столик по соседству с шумной компанией, но угрюмая официантка не позволила:

– Здесь занято.

– Что-то я никого не вижу.

– Стол забронирован.

– А где не забронированные?

– Ты одна? – И смотрит волком.

– А что, если одна?

– А то. Сама как будто не понимаешь.

Лена хотела поставить хамку на место, но решила, что не стоит привлекать к себе внимание.

– Да ты что? За кого ты меня принимаешь? Я просто хочу поесть и выпить кофе.

Официантка тоже сообразила, что переборщила, и смягчилась:

– Ладно, чего уж там. Садись вон за тот, он не занят. Что заказывать будешь?

– Салат какой-нибудь и рыбу, если есть.

– Бери судака по-купечески, вкусно! – Официантка неожиданно подобрела. – Пить что-нибудь будешь?

– Белое вино есть?

– Есть. Тебе сухое или послаще?

Приняв заказ, официантка удалилась.

Лена оглядывалась, прислушивалась.

Неожиданно к ее столику подошел лысоватый приземистый мужчина лет пятидесяти. Улыбнулся с неуверенной наглостью, спросил:

– Не позволите составить вам компанию? В этом захолустье так редко увидишь приличного человека!

Лена хотела его отфутболить, но передумала: вдвоем с этим типом она будет меньше бросаться в глаза.

– Садитесь, – она кивнула на стул и улыбнулась одними губами. – Это вы о себе? – В глазах незнакомца мелькнула растерянность, и она снисходительно добавила: – Насчет приличного человека.

– А! – Он просиял. – Это я о нас с вами. По вашему лицу сразу видно, что вы не здешняя. Да и не только по лицу. Я сам здесь в командировке. Днем работа, а вечером так одиноко... Вы меня понимаете?

В этот момент к шумной компании подошел еще один тип – невысокий, с гладко зализанными темными волосами, одет с дешевым, вызывающим шиком. Он шел вразвалку и поглядывал вокруг глазами хозяина жизни.

– Ахмет! – оживились за столом. – Садись, выпей с нами!

Лена напряглась.

Вот тот, кого она ищет. Тот самый, кто увез Маринку из Малофеевки.

– Так я и говорю, – не унимался назойливый сосед, – здесь по вечерам так одиноко... Да вы меня совсем не слушаете!

Лена его действительно не слушала.

Она смотрела на Ахмета. Вернее, на его руку.

Характерным мужским жестом он обнажил запястье и взглянул на свои часы.

Нет, не на свои.

На запястье у Ахмета были золотые швейцарские часы, которые Лена так хорошо знала.

Когда-то она сама выбирала эти часы. Они купили их на сорокалетие Олега. Лена узнала бы их среди тысяч других.

У нее перехватило дыхание.

На сцену тем временем поднялся обрюзгший тип в мятом пиджаке. Сел к роялю и, отчаянно фальшивя, затянул:

– Владимирский централ...

Ленин сосед заслушался, подпер щеку кулаком, стал вполголоса подпевать. Официантка принесла Ленин заказ и еще бутылку шампанского.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.